

Litera

Правильная ссылка на статью:

Крижановский Н.И. М. О. Меньшиков о Н. Н. Страхове: некролог как проявитель общности взглядов и основа для сближения судеб русских критиков // Litera. 2024. № 7. С. 167-184. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.69501
EDN: SXTNWT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69501

М. О. Меньшиков о Н. Н. Страхове: некролог как проявитель общности взглядов и основа для сближения судеб русских критиков

Крижановский Николай Игоревич

ORCID: 0000-0002-2764-7117

кандидат филологических наук

доцент, кафедра публицистики и журналистского мастерства, Кубанский государственный университет

350040, Россия, 350040 Г. Краснодар, край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

[✉ nicolaykri@mail.ru](mailto:nicolaykri@mail.ru)

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.69501

EDN:

SXTNWT

Дата направления статьи в редакцию:

05-01-2024

Дата публикации:

28-07-2024

Аннотация: В статье проанализирован некролог известного публициста, критика, журналиста рубежа XIX – XX веков М. О. Меньшикова, посвященный выдающемуся русскому критику Н. Н. Страхову. Некролог этому критику представляет собой достаточно необычное явление, поскольку написан о малознакомом Меньшикову человеке. Важная составляющая исследования – восстановление в деталях историко-литературного контекста эпохи и выявление причин написания Меньшиковым некролога Страхову. В центре представленной работы интерес М.О. Меньшикова к Николаю Страхову, проявлявшийся на разных этапах творчества известного публициста, а также сближение творческих и биографических черт центральных персонажей научной работы. Предметом

исследования становится отношение М.О.Меньшикова и Н.Н.Страхова к художественному и публицистическому творчеству Л. Н. Толстого, толстовству и таким явлениям искусства, как критический реализм и декаданс. Методология данного исследования основана на ключевых принципах научного филологического познания: принципе историзма, последовательности, объективности и системности. Автором использовались сравнительно-типологический и историко-генетический методы, а также комплексный подход к анализу текста. Работа, проделанная автором, впервые позволила определить степень интереса критика «Недели» к творчеству Страхова, выявить биографические и творческие сближения двух критиков, сопоставить их восприятие рассказа Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» и отношение к художественному и публицистическому наследию яснополянского гения. В исследовании обоснована мысль о глубоком интересе Меньшикова к национальному вопросу, сформировавшемуся еще до перехода в газету «Новое время». Автор отметил, что в некрологе отражены характерные для творчества публициста темы, заложены зерна его негативного отношения к революционному движению, обозначена идеологическая непоследовательность и неоднозначность позиции публициста в 1890-е годы. С помощью анализа текста автор доказал, что Меньшиков вел в 1890-е годы идейный поиск в области традиционных ценностей, тесно связанный с его постепенным внутренним духовным ростом.

Ключевые слова:

Михаил Осипович Меньшиков, Николай Николаевич Страхов, некролог, сближение, Лев Николаевич Толстой, литературная критика, русская литература, национальная культура, творчество, толстовство

Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) – выдающийся русский публицист, журналист, критик, получивший в 1870-е годы образование штурмана военного флота и дослужившийся к началу 1890-х до звания штабс-капитана. Еще во время службы он публиковался в газетах «Кронштадтский вестник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Морская газета» и стал тесно сотрудничать с либерально-народническим изданием «Неделя» П. А. Гайдебурова, где после отставки в 1892 году стал членом редакции и с 1894 года выполнял порой обязанности редактора. В 1890-е гг. Меньшиков вошел в круг столичных литераторов и журналистов, зарекомендовал себя талантливым, трудолюбивым и оригинальным автором заметок, корреспонденций, литературно-критических, публицистических работ и журналистских расследований. В 1901 году после развода редакции «Недели» публицист был приглашен А.С. Сувориным в «Новое время» и на протяжении шестнадцати лет несколько раз в неделю публиковался как ведущий журналист-аналитик. С 1902 года Меньшиков начал печатать в газете цикл статей «Письма к близким», которые впоследствии выходили отдельными брошюрами по месяцам и объединялись в годовой том. К началу 1917 года свет увидели пятнадцать томов «Писем к близким».

Жанр некролога – редкое явление среди многих сотен работ М. О. Меншикова. Если внимательно присмотреться к публикациям этого жанра, то можно увидеть, что практически все они о людях, с которыми публицист был хорошо знаком или близко общался: о С. Я. Надсоне, П. А. Гайдебурове, В. А. Гайдебурове, Н. А. Рыкачёве, Н. С. Лескове, Я. П. Полонском, А. К. Шеллере, Ф. Ф. Павленкове, Е. К. Гайдебуровой, В. С. Соловьеве, А. П. Чехове, Л. Н. Толстом.

Особняком в этом ряду стоит некролог Н. Н. Страхову, с которым Меньшиков, насколько

нам известно, мог быть знаком, но близко не общался и не имел личной переписки. Что же заставило публициста написать в 1896 году об ушедшем из жизни великому русскому критику?

При прочтении некролога возникает еще один вопрос, связанный с пониманием творческой эволюции публициста: каким образом Меньшиков смог в середине 1890-х гг. так глубоко понять и затем выразить в тексте сущность творчества Страхова-патриота и национального мыслителя? Ведь публицист работал в либерально-народнической газете «Неделя» и сам в молодости увлекался революционными идеями [11, с. 76, 141-143]. Кроме этого, ряд современников М. О. Меньшикова (Н. М. Михайловский [34, с. 121], П. М. Пильский [34, с. 179], И. И. Колышко [34, с. 238] и др.), как и некоторые исследователи его творчества, говорят о принципиальной перемене во взглядах публициста до перехода в «Новое время» и после: «...идеалы Меньшикова – публициста «Недели» и Меньшикова – публициста «Нового времени» оказались во многом противоположными» [10, с. 101].

Конечно, творчество Николая Николаевича Страхова Меньшикову было известно. Об этом свидетельствуют несколько фактов, к которым обратимся ниже. В начале 1890-х годов публицист два раза упоминал в дневнике о чтении произведений Н.Н. Страхова. Например, в феврале 1890 года (и это первое известное обращение к творчеству критика) после чтения статьи «Из предисловия к сочинениям Аполлона Григорьева» он выписал несколько ключевых цитат. В одной из них выражена тесно связанная с трудами А. А. Григорьева формулировка понимания Страховым сущности искусства и его идеала, : «Искусство не есть простое изображение жизни: оно есть непременно и суд над нею, суд во имя самых высших начал, только не существующих в отвлечении, а тех, которые живут и стремятся воплотиться в изображаемой жизни. Идеал души человеческой (здесь и далее подчеркнуто М. О. Меньшиковым. – Н. К.), по убеждению Григорьева, -всегда и везде остается неизменным. <...> ...искусство по самой сущности своей национально. Творчество заключает<ася> в создании типов, т.е. образов определ<енного>, органичес<кого> склада душевной жизни» [38, л. 22]. В другой выписке из этой же работы, содержится осмысление критиком сути пушкинского творчества: «Деятельность Пушкина представляет борьбу с различн<ыми> идеалами, с различн<ыми> историч<ески> сложивш<имися> типами душевной жизни» [38, л. 22]. Если осмыслить вместе оба отрывка, то становится очевидным, что Меньшикова они привлекли прежде всего мыслью о воплощении национального начала в искусстве. Только в первой цитате речь идет об общем подходе Ап. А. Григорьева и Н. Н. Страхова к задачам искусства и творчества, а во второй – о национальной по своей сути творческой деятельности А. С. Пушкина. И по большому счету эти цитаты отразили сверхзадачу всего творчества как Страхова, так и самого Меньшикова, заключавшуюся в отображении и утверждении национального идеала в критике и публицистике.

4 ноября 1894 года в дневнике публициста мимоходом отмечено, что он прочитал «несколько страничек» книги Н. Н. Страхова о философской антропологии и теории научного знания «Мир как целое» [39, 53 об.]

Есть и другие дневниковые записи, связанные с консервативным автором. О желании М. О. Меньшикова узнать поближе известного критика и мыслителя, пообщаться с ним свидетельствует дневниковая запись от 4 декабря 1891 года: пришедший в гости к публицисту не совсем трезвый приятель писатель И. Л. Леонтьев (Щеглов) «вызвался познакомить» его с Н. Н. Страховым, Д. В. Аверкиевым и другими известными литераторами и критиками [37, л. 28]. Впоследствии это обещание осталось

невыполненным, но соединение в записи двух фамилий литераторов, близко знавших Ап. А. Григорьева и друживших с ним, говорит о целенаправленном интересе Меньшикова сойтись поближе с представителями консервативного направления.

В дневниковой записи, сделанной 27 июня 1892 года, Меньшиков радостно отмечал, что за статью «О литературе и писателях» он удостоился множества похвал от известных людей: «...Ге (восторг), Щеглова (восторг), Скабичевского (восторг), Сиповского, Велички, Потапенки, Лескова, Страхова, Суворина, Яковлевой...»[\[1, с. 360\]](#). Упоминание похвалы от Страхова в ряду влиятельных в 1880–1890-е годы писателей, публицистов и критиков красноречиво говорит о внимании к высокой оценке пожилого русского критика.

Сегодня мы можем утверждать практически наверняка: в 1890-е гг. Меньшиков и Страхов встречались и могли быть знакомы. Наиболее вероятное место встречи – заседания Русского литературного общества осенью-зимой 1892–1893 гг. Драматург Д. В. Аверкиев, давний друг Н. Н. Страхова, входил в состав правления общества, а сам критик был его постоянным членом [\[52, с. 189\]](#).

Н.Н. Страхов был в обществе 26 октября на знаменитом выступлении Д.С. Мережковского, ставшим основой работы «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе». Свидетельство этому есть в письме Л. Н. Толстого Софье Андреевне от 30 октября или 1 ноября 1892 года. Граф, ссылаясь на полученное накануне несохранившееся послание Страхова, сообщал жене: «Страхов пишет очень интересно о чтении поэта Мережковского о литературе. Признаки совершенного распадения нравственности людей *fin de siècle'a* и у нас»[\[40, с. 432\]](#). Нам думается, что комментарий Л. Н. Толстого в послании («признаки ... распадения нравственности») одновременно проявляет мнение и критика, и писателя по отношению к докладу Мережковского. Письмо Страхова тронуло Толстого, поэтому в его дневнике 6 ноября 1892 года появилась запись: «От Страхова письмо о декадентах. Ведь это опять искусство для искусства. Опять узкие носки и панталоны после широких, но с оттенком нового времени»[\[48, с. 76\]](#).

Страхов отмечал в 1894 году, что главное в декадентстве – гибельный отказ от национальных традиций, предательство русской поэтической школы Пушкина, Жуковского и Батюшкова и подражание худшим европейским (французским) тенденциям: «...вместо того, чтобы сохранять превосходные предания этой (пушкинской. – Н. К.) школы, наши новые стихотворцы, будучи, очевидно, очень мало знакомы с нею, принимаются писать по руководству своего собственного вкуса, не воспитанного на чтении светил родной поэзии, или же подражают современным европейским поэтам, всегда находящим у нас себе читателей. Дело дошло до того, что явились даже подражатели французским декадентам»[\[46, с. 4\]](#).

Меньшиков на этом выступлении Мережковского не присутствовал (что косвенно подтверждает одна из его публикаций в «Неделе»[\[15, Стб. 1650-1654\]](#)), хотя неоднократно приходил на собрания Русского литературного общества. И не просто присутствовал, а к началу 1893 года был одним из активных участников. Об этом свидетельствует запись в дневнике публициста, датированная 18 января 1893 года. В этот день в редакцию «Недели» для встречи с Гайдебуровым пришел А. П. Чехов. Писатель не узнал Меньшикова в штатском платье, поэтому публицист первый с ним поздоровался. Чехов, торопясь, спросил: «Вы бываете в литературном обществе? – Бываю, сегодня буду. – Ну, там встретимся, поговорим»[\[37, л. 47 об.\]](#). Далее в дневнике отмечено, что вечером на

заседании общества, где выступал исполнитель былин и народных песен Иван Тимофеевич Рябинин, им «поговорить по душе не удалось. Так, несколько фраз в разных концах вечера...» [37, л. 47 об.]. На встречу со сказителем пришло много слушателей: «Были: Григорович, Т. Филиппов, Авенариус (комpliment моим заметкам), Мережковский, Чехов, Кигн, Червинский, поэт Крестовск<неразб.> и пр. и пр. Незеленова я принял за учителя Виноградова... Репин рисовал Рябина, и я вышел как раз за спиной сказителя на самом левом плане (рисунок сохранился и опубликован [2]. – Н. К.)» [37, л. 47 об.]. О роли публициста среди авторитетных деятелей литературы и искусства говорит следующая запись: «...по моей инициативе собрали 20 рублей» [37, л. 47 об.]. То есть Меньшиков был «своим» в собрании и выступил организатором благотворительного попечения о русском народном таланте, знавшем более 6000 строчек наизусть. Именно поэтому мы полагаем, что встреча и знакомство Меньшикова со Страховым на заседаниях Русского литературного общества вполне возможны.

Необходимо отметить, что в работах Меньшикова в 1890-е – начале 1900-е гг. упоминания о декадентстве как явлении и о творчестве одного из первых декадентов и символистов Д.С. Мережковского всегда связаны с реакцией отторжения. Общее неприятие декадентства в искусстве публицист выразил в ранней статье «Литературная хворь» (1893), назвав это заимствованное на Западе явление поэзией «упадка культуры и разложения общественной жизни» (с. 429). В работах «Две правды» (1893), «О Любви» (впервые трактат опубликован в 1897 г. с названием «Элементы романа»), «Клевета обожания» (1899), «Надсон» (1902), «Поганое в паганизме» (1902), «О гробе и колыбели» (1902), «Среди декадентов» (1903) Меньшиков обратил внимание не только на эстетизацию зла, но и на «распадение нравственности», связанное в новом явлении культуры, как и в творчестве Д.С. Мережковского, с отказом от христианства и культом язычества, с воспеванием крайнего эгоизма и страстного безудержа.

Таким образом, мнения Страхова, Толстого и Меньшикова в отношении нового явления в русской словесности, одним из провозвестников которого стал Д. С. Мережковский, были чрезвычайно схожи.

Значимым источником информации о Стакове была для публициста близкая ему писательница Л. И. Веселитская (литературный псевдоним – В. Микулич). С ней он познакомился летом 1893 года благодаря Н. С. Лескову. Веселитская общалась со Страховым, который в письмах Л. Н. Толстому очень высоко отзывался о ее произведениях: «Прочитал *Мимочки* отравилась (так называлось произведение В. Микулич; здесь и далее курсив Н. Н. Страхова. – Н.К.); разговоры дочери с матерью – прелесть...» [9, с. 929]; «С каким наслаждением читаю это *настоящее* писание, не выдуманное, не фальшивые бумажки...» [9, с. 948]; «*Зарницы* (еще одно произведение В. Микулич. – Н. К.) доставили мне большое наслаждение. Читал и перечитывал. Какая прелесть, когда что-нибудь не сочинено, а действительно вылилось из души!» [9, с. 953]. Мнение Л. Н. Толстого о творчестве Л. И. Веселитской более сдержанно: «Вчера мы читали *Мимочки*, 2-ю часть. Хорошо, но есть преувеличения и подражания самой себе» [39, с. 459].

Лидия Ивановна после сближения с отставным военным и журналистом «Недели» Меньшиковым искренне привязалась к его пятилетнему сыну Якову, брошенному родной матерью Евгенией Шапиро, и по-матерински заботилась о нем: стала наставницей и воспитательницей ребенка, чему часто занятый в редакции «Недели» Михаил Осипович был нескованно рад. Он настолько был расположен к талантливой писательнице, что во

второй половине 1890-х рассматривал возможность женитьбы на ней.

Думается, М.О. Меньшиков и Л.И. Веселитская, как два литератора схожих взглядов, не могли не говорить об известном критике Н.Н. Страхове. Свидетельством такого общения Меньшикова и Веселитской стало письмо Л.Н. Толстого Н.Н. Страхову от 26 апреля 1895 года: «Узнал на днях от Меньшикова, кот^{орый} узнал это от Веселитской, что вы больны, и одиноки, и унылы, и сердцем захотелось помочь, облегчить, успокоить вас» [9, [с. 992](#)].

В свою очередь Страхов, как большой любитель книг и чтения (о чем Меньшиков упоминал в некрологе), был знаком не только с издателем «Недели» П. А. Гайдебуровым (подтверждение этого факта можно найти в переписке с Л. Н. Толстым), но и с работами Меньшикова – набиравшего популярность в начале 1890-х годов отставного штабс-капитана, автора многих публикаций об общественной жизни и о литературе в газете «Неделя» и журнале «Книжки “Недели”».

О внимании критика к Меньшикову говорит в своей книге биограф Н. Н. Страхова В. А. Фатеев, утверждая, что русский Зоил знал «множество издателей от А. А. Краевского до А. С. Суворина и его главных сотрудников М. О. Меньшикова, В. П. Буренина и В. В. Розанова» [51, [с. 563](#)]. Однако отметим неточность в утверждении Фатеева: Меньшиков стал сотрудником «Нового времени» только через пять лет после смерти Н.Н. Страхова – весной 1901 года, поэтому русский философ и литературный критик мог читать статьи Меньшикова только в пору его работы в гайдебуровских изданиях.

* * *

После смерти Страхова, случившейся 24 января 1896 года, в конце января-феврале литераторы, хорошо знакомые с покойным (В. В. Розанов, Б. В. Никольский, К. Н Бестужев-Рюмин, Н. Я. Грот и другие), опубликовали в разных изданиях несколько некрологов:. М. О. Меньшиков опубликовал свой некролог несколько позже – в марте 1896 года на страницах ежемесячного журнала «Книжки “Недели”» [17] и, как мы уже указали, единственный раз создал материал в этом печальном жанре о человеке, с которым он близко не общался.

Тем не менее, несколько внутренних причин могли подтолкнуть ведущего критика и публициста газеты «Неделя» написать некролог. Думается, основная связана с тем, что литературные интересы и предпочтения не так давно вошедшего в большой мир журналистики, литературы и критики Меньшикова пересекались с интересами и предпочтениями покинувшего мир русского критика, публициста и философа. А. С Пушкин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Я. П. Полонский, Л. Н Толстой – это те авторы, о которых немало написал Н. Н. Страхов и которые притягивали внимание М. О. Меньшикова-критика. Как и Страхов, Меньшиков внимательно всматривался в отношения западников и славянофилов. Как и Страхов, искренне и всем сердцем любил Л. Н. Толстого.

С начала 1860-х годов и до конца своей жизни Страхов был поклонником художественного таланта Льва Николаевича Толстого. Одним из первых критик создал ряд глубоких работ о произведениях великого автора «Войны и мира» и «Анны Карениной», среди которых «Сочинения гр. Л. Н. Толстого» (1866), «Война и мир. Сочинение графа Л. Н. Толстого...» (1869-1870), «Литературная новость» (1869), «Обучение народа» (1874), «Чем люди живы» (1881), «Взгляд на текущую литературу» (1883), «Французская статья об Л. Н. Толстом» (1884), «Толки о Толстом» (1891) и др.

Таким образом, Страхов стал мощным защитником и апологетом художественного гения Толстого.

Почитателем таланта и последователем некоторых идей Толстого стал в конце 1880-х – 1890-е гг. и Меньшиков, написавший о произведениях великого творца статьи «Тринадцатый том сочинений графа Л. Н. Толстого» (1891), «Великое детство. По поводу 40-летия литературной деятельности гр. Л. Н. Толстого» (1892), «Работа совести. (По поводу статьи "Неделание" гр. Л. Н. Толстого)» (1893) и «Сбились с дороги (По поводу рассказа "Хозяин и работник" Л.Н. Толстого)» (1895). В них Меньшиков порой совпадал с суждениями, выраженными в статьях Страховым. Это, например, касается понимания художественной задачи произведений Л. Н. Толстого.

Вот мнение Страхова о реализме автора романа «Война и мир»: «...художник ищет следов красоты души человеческой, ищет в каждом изображаемом лице той искры Божией, в которой заключается человеческое достоинство личности, – словом, старается найти и определить со всею точностию, каким образом и в какой мере идеальные стремления человека осуществляются в действительности» [\[45, с. 272\]](#). Мысль, близкую к этой, Страхов выразил и в работе «Толки об Л. Н. Толстом»: «...центр его учения составляют не какие-нибудь догматы, а христианские правила жизни, изложение и объяснение наших обязанностей. Он проповедник не какой-нибудь теории, а практического христианства, учитель нравственности. Сюда тяготеют все его мысли...» [\[47, с. 113-114\]](#).

Свое понимание сущности толстовского творчества Меньшиков сформулировал в 1891 году следующим образом: «...Толстой ищет коренного закона счастья и находит его в Христовом учении о самоотверженной любви» [\[33 с. 338\]](#). В 1895 он писал: «Религиозная мысль "Хозяина и работника", как мне кажется, та же, которою живет Л. Н. Толстой последние 15 лет: мысль о Высшей воле, посылающей человека в мир для любви, в которой – благо жизни. Поэтому не надо иметь своей воли, не надо сопротивляться Богу, а нужно радостно покориться Его воле, открываемой совестью» [\[32, с. 543\]](#).

Оба критика стремились защитить творчество Л. Н. Толстого от придирчивых и недалеких литературных поденщиков. Так, в 1891 году в работе «Толки об Л. Н. Толстом» Страхов отмечал: «Против Толстого с воплем подымаются люди, не замечающие, что сами они не имеют никакого права подавать голос в религиозных и нравственных вопросах» [\[47, с. 112\]](#). О подобных людях писал и Меньшиков, защищая автора рассказа «Хозяин и работник» от необоснованных нападок некоего бойкого «харьковского журналиста», «московского критика, историка Иловайского» [\[32, с. 534\]](#) и «огромного хора провинциальных критиков» [\[32, с. 535\]](#).

Еще одна черта, объединяющая Страхова и Меньшикова, – использование для характеристики образного мира произведений Л. Н. Толстого выделенных Ап. А. Григорьевым ведущих национальных героических типов: «хищного» и «смиренного» [\[3, с. 524\]](#). Страхов применял формулу Григорьева при анализе романа-эпopeи «Война и мир» и расширил ее понимание. По мнению критика, в большом историческом романном повествовании автор показал столкновение «смиренного» и «хищного» типов с победой первого не только на национальном, но и на мировом уровне: «...эта огромная пестрая эпopeя – что она такое, как не апофеоза русского смиренного типа? Не тут ли рассказано, как, наоборот, хищный тип спасовал перед смиренным, – как на

Бородинском поле русские люди победили всё, что только можно представить себе самого героического, самого блестящего, страстного, сильного, хищного, т.е. Наполеона и его армию?» [\[45, с. 306\]](#).

Формула Григорьева использовалась Страховым при осмыслении рассказа Л.Н. Толстого «Хозяин и работник» (1895). Критик участвовал в подготовке его к печати и был одним из первых читателей. В письмах автору в январе-феврале 1895 года он чрезвычайно высоко оценил произведение: «Боже мой, как хорошо, бесценный Лев Николаевич! <...> Целая драма, простейшая, яснейшая и потрясающая!» [\[9, с. 977\]](#); «Какое уменье понимать душу, и какое добroe понимание души!» [\[9, с. 986\]](#); «Как хорошо, бесценный Лев Николаевич, как удивительно и бесподобно!» [\[9, с. 986\]](#). В письме от 21 февраля 1895 г. Страхов по-григорьевски обрисовал центральных персонажей произведения: «Василий Андреич теперь у меня так и мечется перед глазами, и даже стал заслонять Никита. <...> Никита и Вас[илий] Андр[еич] это как бы два слоя русского народа: один слой деятельный, а другой пассивный. Деятельный кажется очень противным, но он спасает пассивный и сам погибает. Никита все вынесет и никому зла не сделает; но Василий Андреевич — ах, как он хорош! Сломленная энергия... Нет, возрожденная энергия!» [\[9, с. 986\]](#). Особенное внимание критика, как мы видим, привлек «деятельный» («хищный») образ Василия Андреевича Бреxунова, в минуту испытаний духовно преобразившийся. Страхов восхитился умением автора рассказа создавать живую, правдивую картину жизни при помощи деталей и действий персонажей: «В первый раз я читал торопясь, отрываясь на несколько часов, и все-таки у меня осталась в памяти всякая черта. Василий Андреич, Никита, Мухортый стали моими давнишними знакомыми. Как ясно, что Вас[илий] А[ндреич] — под хмельком! Его страх, его спасение в любви — удивительно! удивительно! А Мухортый ушел от него к Никите...» [\[9, с. 977\]](#). В одном из писем Л.Н. Толстому Страхов сообщал о духовно-покаянном воздействии рассказа на него: «... постоянно ловлю себя на самолюбивых мыслях; рассказывая о Василье Андреиче, Вы обо мне написали. <...> Как бы мне вытравить свой эгоизм, как бы приобрести добродушие и спокойствие Никиты?» [\[9, с. 995\]](#).

Если тяжело болевший Страхов за год до кончины лаконично выразил свое понимание рассказа в переписке с Толстым, то Меньшиков посвятил произведению большую статью «Сбились с дороги. (По поводу рассказа «Хозяин и работник» гр. Л. Н. Толстого)» (впервые опубликована в журнале «Книжки «Недели», 1895, №3). В ней публицист «Недели», как и Страхов, высоко оценил новый рассказ писателя: ««Хозяин и работник» — это уголок жизни, перенесенный со всеми ее красками на бумагу» [\[22, с. 536\]](#); «Толстой рисует жизнь, как она есть, и самая тяжкая драма выходит очень простой и обиходной» [\[22, с. 540\]](#). По мнению критика, Толстой дал в своем рассказе «дорогие уроки литературного мастерства» [\[22, с. 538\]](#) для молодых литераторов. Меньшиков указал и на явное превосходство реалистического отображения действительности в «Хозяине и работнике» Л. Н. Толстого над произведениями Д. Н. Мамина-Сибиряка [\[22, с. 539-540\]](#) и М. Е. Салтыкова-Щедрина [\[22, с. 541\]](#).

Осмысление содержания рассказа М. О. Меньшиковым также отсылает нас к типологии героев Ап. А. Григорьева: «Возьмите Бреxунова: вот человек-«хозяин», энергичный, ненасытный, покоривший себе человека-«работника», вечно преследующий какую-то личную особенную цель. Он самоволен — его воля отделена от интересов других существ, и, увлекшись своей волею, он неизбежно отнимает их счастье» [\[22, с. 543\]](#). Развивая противопоставление «хищный» хозяин — «смиренный» работник, критик

отдалился от национальной мысли Григорьева и пришел к толстовской идее непротивления злу силою, которая соединилась с идеалистическим представлением о народе и его художественном воплощении в рассказе – Никите: «Народ сам по себе не способен на насилие; все виды насилия создаются людьми, выдающимися из народа и выродившимися в хищный тип. Народ всегда и всюду подчиняется безропотно; борются насильники. Народное непротивление есть естественное свойство масс, их инерция. Непротивление дает жизнь хищникам, но, может быть, оно же спасает человечество от общей гибели» [\[22, с. 550\]](#). Нетрудно увидеть историческую ошибочность наивного понимания Меньшиковым образа народа, в любую эпоху способного на бунты и жестокость. В этих размышлениях о рассказе проявилась идеализация критиком низовой, природной народной жизни, источником которой как нам представляется, стали работы Л. Н. Толстого, прежде всего «Исповедь» (1882), «В чем моя вера?» (1884). Историософский смысл противопоставления героев рассказа Меньшиков находил в том, что «Брехунов – отживающее язычество», а «Никита – растущее из стихии народной истинное Христианство» [\[22, с. 552\]](#). Свой тезис критик подкреплял мыслью о христианстве как царстве не от мира сего, удел исповедников которого – «служение ближним и неизбежное при этом слияние с народом, чувство равенства и любви к человеку» [\[22, с. 552\]](#). А язычество, напротив, – «господство внешних забот и материальных радостей, захват богатства и неизбежное при этом насилие над ближним» [\[22, с. 552\]](#). Как нам представляется, Меньшиков в этих рассуждениях «отдалился» от понимания смысла рассказа Толстого, поскольку ключевой фигурой своего анализа сделал непротивленца Никиту, «отодвинув» на задний план образ Василия Брехунова с его предсмертным самоотверженным поступком, свидетельствовавшем о духовном росте героя-«хищника».

Природное, инстинктивное начало в образе смиренного Никиты критик ставит выше религиозного: «Никита – истинный христианин не по науке, не по религии, а по инстинктам своим. Христианство свое он впитал не из книг, а из окружающей природы вместе с жизнью» [\[22, с. 553\]](#). Выраженная в статье уверенность Меньшикова в спасительности для человечества толстовской идеи непротивления злу делает для него неактуальной даже идею патриотизма: «...убить турка при известных условиях он (работник Никита. – Н. К.) еще в состоянии и именно под видом воли Божьей. Будет, однако, время, когда и последний поступок станет для него невозможным, и никакими хитростями его нельзя будет убедить в том, что это воля Божия. По мере раскрытия сознания он все далее и далее будет отходить от участия в зле, и зло исчезнет» [\[22, с. 554\]](#). Таким образом, в рассуждениях Меньшикова о рассказе «Хозяин и работник» соединились и ироничные ответы на необоснованные нападки критиков на произведение, и меткие критические замечания о художественном методе и мастерстве Толстого-рассказчика, и проявившийся в анализе текста наивный идеализм публициста, связанный непротивленческими идеями Л.Н. Толстого. В отличие от Н.Н. Страхова, М.О. Меньшиков поставил на первый план образ Никиты, осмыслив его как стихийно-мудрого и природно-чувственного выразителя толстовской концепции христианского непротивления злу. А сущность этой концепции, как утверждал Меньшиков, заключена «в возможности беспрерывного возрождения, и отсюда готовность отдать себя в материал для другой жизни» [\[22, с. 546\]](#).

Л.Н. Толстой, познакомившись со статьёй Михаила Осиповича, в письме к нему не согласился с утверждением превосходства природного начала человека над разумным при осмыслении образов-персонажей рассказа [\[4\]](#). Вскоре граф прочитал статью Л.П. Никифорова о «Хозяине и работнике» и попросил Меньшикова в письме 26-29 августа

1895 года опубликовать ее в «Книжках “Недели”» [49, с. 148-149]. Понравившаяся писателю статья по-своему развивала высказанную Страховым мысль о внутреннем преображении Василия Брехунова. Никифоров акцентировал внимание на сущностно меняющемся герое-хозяине и отмечал, что образ Брехунова, а не Никиты, заслуживает наибольшего внимания: «...они неизбежно погибли бы оба, если б в последнюю минуту Брехунов не понял, что все, что он делал всю свою жизнь – совсем не то, что нужно и не решился бы пригреть собой того Никиту, которого он заставлял всю жизнь и голодать, и холода и сбивал с настоящего пути» [35, с. 252]. В противовес Меньшикову, Никифоров сформулировал тезис: истина не в равнодушии к жизни Никиты, «не в пассивности, а добром активном деле» [35, с. 252]. Остается только отметить, что близкий к революционным кругам Никифоров мог подразумевать под «активным делом» не духовное возрождение, а, скорее, социальную революцию.

Л. Н. Толстой в упомянутом выше письме Меньшикову о статье «Ошибки страха» отметил, что не принял его восхваления образа Никиты, поскольку любовь работника – это «низшая степень любви», она «непосредственная, неразумная, доброжелательство, одинаковое к злым и добрым, п<отому> ч<то> оно не различает злых от добрых» [49, с. 148]. Указывая, что есть иная, высшая степень любви, писатель объяснял критику: «Я понимаю, что Никиты могут прельщать своей стихийной христианственностью, но про них можно только сказать, что они то дерево, из кот<орого> легко делаются хорошие святые, но нельзя говорить, что человек, работающий над единственно свойственной человеку работой, старающийся не противиться злу насилием, несущий всю тяжесть этого, но не в силах еще вырвать из сердца раздражение на злых, стоит ниже того, к<оторый> еще не начинал этой работы...» [49, с. 149]

Таким образом, Меньшиков и Страхов при осмыслении рассказа «Хозяин и работник», уловив мастерство автора и общий христианский настрой, по-разному его интерпретировали: Меньшиков – осмысляя в первую очередь природу непротивленчества смиренного работника Никиты, а Страхов – стремясь выразить глубинные, национально-сущностные особенности содержания рассказа, определяющие поведение его персонажей, и выделяя нравственную сущность образа Василия Брехунова.

Мы не будем касаться обширного вопроса личных взаимоотношений с Л.Н. Толстым Меньшикова и Страхова: об этом написан ряд научных работ [4; 5; 6; 7; 36; 43; 50; 51]. Отметим прежде всего, что оба критика видели в художественном творчестве писателя великое проявление его гения, а к высказанным в публицистике идеям имели свое особое отношение. Так, Страхов, по мысли В. А. Фатеева, искренне поддерживал дружбу с писателем, но «моральное учение Толстого и его протестантское толкование Евангелия содержало множество элементов, которые он считал ошибочными и даже еретическими» [51, с. 421], Меньшиков же в своих статьях 1890-х гг. в чем-то совпадал с публицистической мыслью Л. Н. Толстого, но, как правило, по-своему ее понимал, что доказывает и восприятие критиком «Недели» рассказа «Хозяин и работник», и высказывания самого публициста, не считавшего себя последователем яснополянского старца. Так, весной 1900 года Меньшиков, возражая П. П. Перцову, который назвал его «самым авторитетным из толстовцев», «самым талантливым и корректным» [19, стб. 595], недвусмысленно писал о совпадениях своих взглядов с идеалами Толстого и отличиях от них: «Я глубоко и неизменно уважаю нравственное стремление Л. Н. Толстого, его тревожную, пророческую совесть, его убеждение в необходимости каждому прежде всего работать над собой. Но я не беру у него ничего чужого, беру свое; если

некоторые идеалы у нас общие, то я чувствую, что с ними родился и они столько же мои. Невольные совпадения со столь живою и мощною мыслью – для меня лучшая радость жизни, это поддержка огромная, много способствовавшая обнаружению для меня собственной моей природы. Но было бы неправдой сказать, что я разделяю все миросозерцание великого писателя. Я даже не знаю его всего, а из того, что мне известно, не все мне свойственно» [\[19, стб. 595\]](#).

Несовпадение мнений публициста и писателя зафиксировано в работах современных исследователей их биографии и творческого наследия. Так, Г. В. Жирков называет Меньшикова «несостоявшимся преемником» [\[5, с. 664\]](#), а Д. В. Жаворонков отмечает, что «публицист не был “слепым” последователем писателя», неоднократно полемизируя с ним в 1890-е гг. [\[4\]](#).

С течением времени отношение критика к публицистике Толстого менялось. В 1900 году Меньшиков в газете «Неделя» встал на защиту писателя, резко выступив против, как ему виделось, излишне ироничного и вульгарного отображения этического учения великого писателя в работе Владимира Соловьева «Три разговора...» [\[16\]](#). Однако уже с 1904 года публицист резко критиковал отношение Толстого к русско-японской войне и открыто противостоял иным анархическим выступлениям писателя в печати (см., например, статьи «Лев Толстой, Менделеев, Верещагин» (1904), «Два пророка» (1907), «Толстой и власть» (1908), «Фальшив толстовщины» (1912) и др.), до конца своей жизни оставаясь поклонником художественного таланта яснополянского творца.

Страхов, будучи поклонником литературного таланта графа и его другом, не разделял высказанных в публицистике убеждений великого Льва и выражал, на наш взгляд, довольно спорную уверенность, что «Толстой своим поворотом к религии сумеет отвлечь молодежь от революционных увлечений» [\[51, с. 421\]](#). Отношение Страхова к философии Толстого, на наш взгляд, удачно сформулировал В. В. Розанов: «...он (Страхов. – Н. К.) не сливался с его “учением”, даже просто отвергал его или почти отвергал; во всяком случае, не придавал ему значения. Но смысл его учения, но направление, в котором пошел Толстой, – его восхищало, вызывало в нем великий восторг...» [\[42, с. 203\]](#).

Человеческая и творческая близость критика Н. Н. Страхова и писателя Л. Н. Толстого как сверстников (оба – 1828 года рождения), связанных дружбой, очень похожи на взаимоотношения критика М. О. Меньшикова и писателя А. П. Чехова. Они также были сверстниками (Меньшиков родился в сентябре 1859 г., а Чехов – в январе 1860 г.), в результате общения ставшими чрезвычайно близкими людьми [см. об этом: 1; 8]. И Страхов, и Меньшиков активно защищали своего мировоззренчески родственного друга-писателя, переписывались с ним, бывали у него в гостях и, главное, посвятили ряд серьезнейших работ анализу творчества.

Можно сказать, что как Н.Н. Страхов в своих работах выступил открывателем для широкой публики моши таланта Л.Н. Толстого и защищал величие его творений, так и М.О. Меньшиков осмысливал, пропагандировал и защищал огромный художественный дар А.П. Чехова. Достаточно вспомнить такие статьи Меньшикова, как «Больная воля (Палата №6. Рассказ Чехова)» (1893), «Прогресс и предание. (По поводу книги А. П. Чехова “Остров Сахалин”)» (1896), «Слово о мужиках» (1897), «Три стихии» («В овраге» повесть А. П. Чехова) (1900).

* * *

Наверняка Меньшиков при знакомстве с работами Страхова не мог не почувствовать родственного ему негативного отношения к «натуральной школе» в искусстве. В статье Страхова «Некрасов и Полонский» (1870) обрисованы два направления искусства, представителями которых явились названные в заглавии поэты. Первое, некрасовское, осмыслено как обличительное и презрительно-эгоистическое по отношению к народу: «Все эти обличители суть вместе и просветители; они не хотят учиться у народа, а сами хотят его учить» [44, с. 137]. Сущность понимания русской жизни этого направления Страхов иллюстрирует унижительными по отношению к России строками самого Некрасова из известного стихотворения «Песня Ерёмушке»:

В нас под кровлею отеческой

Не запало ни одно

Жизни чистой, человеческой

Плодотворное зерно [44, с. 137].

Поэта Я. П. Полонского критик противопоставил Н. А. Некрасову на основании отсутствия у первого «узкого и резкого направления» творчества, «односторонних, кидающихся в глаза тенденций» [44, с. 138]. Поэзия Полонского – это, по определению Страхова, «поклонение всему прекрасному и высокому, служение истине, добру и красоте, любовь к просвещению и свободе» [44, с. 138]. В ней есть стремление к правде и отражение особенностей русской души [44, с. 175].

Социально-критическое, обличительное изображение русской действительности, умаляющее и унижающее всё родное и близкое, Меньшиков не принимал с самого начала своего творчества. В первом большом произведении молодого публициста цикле очерков «По портам Европы» (1884) молодой штурман с возмущением описывал картины художников в русской части Всемирной парижской выставки 1878 года: «У нас в отделе (выставки. – Н. К.) гостят купцы и купчихи с их нечесанными "овчинами", потными расплывшимися лицами, у нас в переднем углу невозможный дьякон г. Репина, истинный сюжет для искусства. Вот, ей Богу, сокровище кисти, на которое взглянешь да и отвернешься поскорей: отвернешься, да поздно: впечатление уже испорчено, вы далеко от картины, а за вами гонится этот дьякон, пьяный звериный взгляд, эти рыжие клочья волос, испитое лицо...» [31, с. 64]. В русском отделе Меньшиков находил образцы иного, нетенденциозного понимания роли искусства, связанного с воплощением идеала красоты. Это картины «Светочи христианства» Семирадского, «Болгарская мученица» Маковского, «Украинская ночь» Куинджи, работы Айвазовского. Главный идеал человека для публициста связан с христианством: «Спасибо Семирадскому. Он поддерживает бодрость духа и энергию борьбы со злом. Он пропагандирует кистью ту уверенность, что, как бы ни был силен зверь в человеке, как бы ни была непроглядна тьма невежества, злобы и насилия – в конце концов, всё-таки заговорит в человеке Христос, взойдёт великолепное солнце знания, всепрощения, свободы...» [31, с. 66]. И в дальнейшем Меньшиков неоднократно отмечал, что задача настоящего искусства – облагораживать и показывать высокий идеал. Эта задача воплотилась в словах из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, писатель и читатель», несколько раз упоминаемых критиком в статьях разных лет:

...И мир мечтою благородной

Пред ним очищен и обмыт.

По мысли публициста «Недели», выраженной в статье «Литературная хворь» (1893), представители обличительной школы не видят светлой правды жизни и показывают лишь ее «уродливые стороны»: «С особенной радостью они останавливаются на уродливых явлениях жизни, привязывают к ним все внимание читателя, бережно описывают все нравственные бородавки, прыщи, шишкы, искривления человека, выворачивают его грязное белье, скрытые раны под бельем, раздвигают края ран и любуются диким мясом в них, а если находят червей, то тем превосходнее» [\[25, с. 147-148\]](#). Поэтому критик и публицист, выступая против обличительного направления в литературе, против поэтизации безнравственности и пошлости, связывал настоящее искусство с отображением эстетического, этического, религиозного идеала народа, поскольку настоящая поэзия должна поддерживать и утверждать положительные начала жизни, влияя тем самым на окружающий мир.

При написании некролога Страхову Меньшиков не мог не осознавать не только творчески-эстетическую, но и биографическую близость с покинувшим мир критиком. Страхов «родился „поповичем“» [\[22, с. 622\]](#), и Меньшиков был внуком священника [\[11, с. 12\]](#). Страхов «терпел бедность» [\[22, с. 622\]](#), и Меньшиков вышел в люди из крайне бедного рода [\[11, с. 11, 31\]](#). Страхов не смог «окончить курса в университете», и автор некролога недолго пробыл в университете вольнослушателем. Меньшиков заметил также, что «Страхов отдался вначале совсем не той науке, к какой имел призвание» [\[22, с. 622\]](#), наверняка понимая, что с ним случилось то же самое: он почти двадцать лет посвятил русскому военному флоту, служил штурманом и гидрографом, а только после этого смог отдать всего себя любимому с юности делу публицистики и критики. Кроме того, у каждого был свой литературный гений-благодетель: Страхову помог в творческом утверждении неравнодушный литератор Аполлон Григорьев, отметивший его «выдающийся талант» [\[22, с. 622\]](#), а Меньшикову – Семен Надсон [\[11, с. 149-154\]](#).

В некрологе Михаил Меньшиков отметил, что Страхов вступал на поприще литературной критики в 1860-е гг., когда «на это нужно было большое мужество, так как тогдашняя печать почти сплошь состояла из людей враждебного Страхову тона» [\[22, с. 622\]](#) – представителей революционно-либерального лагеря. А многие из них обладали «манерой полемизировать, напоминающей поединок не на жизнь, а на смерть» [\[22, с. 622\]](#). Ко времени написания некролога и сам публицист, ощущивший в 1892 году первый восторженный прием литераторов (о нем писали выше), уже знал, насколько сложно отстаивать в печати свою аргументированную позицию. Так, в 1895 году он опубликовал расследование о лжестарце из Серпуховского уезда обедневшем князе В. В. Вяземском, которого в интеллигентской среде стали почитать за пророка и поговаривали даже о том, что Лев Толстой своим «опрощением» копирует именно его [\[24\]](#). Вскоре после доказательного разоблачения легенд о князе Меньшиков вынужден был отвечать на нападки и травлю либеральных журналистов [\[26\]](#). В личном дневнике накануне своего 37-летия, 22 сентября 1896 года, публицист подводя итоги прошедшего года, записал: «В октябре-ноябре продолжалась гнусная травля меня со стороны защитников кн. Вяземского, и я на опыте убедился, как легко, будучи безупречно-чистым, попасть в омут грязи, когда близкие сделают все усилия, чтобы утопить» [\[37, л. 78-78 об.\]](#). Здесь же Меньшиков признался, что история с Вяземским сильно подмочила его литературную репутацию [\[37, л. 78 об.1\]](#).

Стоит вспомнить и о том, что, начиная с середины 1890-х гг. (когда Меньшиков был

умеренно-либерально настроен: поддерживал идеи Толстого, выступал за свободу вероисповедания, за ослабление цензурного давления и мечтал о парламенте) и практически до самой смерти, Меньшиков получал негативные отклики о своем творчестве от критиков и журналистов революционного и народнического толка: от В. Г. Короленко, А. И. Богдановича, А. Л. Волынского, М. А. Протопопова, Н. К. Михайловского, П. М. Пильского и др. [см.: 34]. Так публицист практически повторял судьбу Страхова, постоянно критикуемого крайне враждебными лево-радикалами и либералами в лице Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, В. С. Соловьева и др.

В 1911 году публицист, десять лет проработавший в «правой» газете «Новое время», подвергался нескончаемым обвинениям литераторов «слева» и осознавал непроходимую пропасть между конфликтующими друг с другом революционно-либеральными монополистами печати и горсткой сторонников национально-консервативного лагеря. Поэтому он предупреждал пришедшего в суворинское издание молодого автора А. В. Селитренникова: «Имейте в виду, что быть “нововременцем” – это в русской литературе клеймо. С нашим клеймом вас уже ни в какой толстый журнал или в книгоиздательство, кроме суворинского, не пустят. Если вы напишете книгу, ни в одной левой газете об вас никакого отзыва не дадут, даже ругательного. Левый лагерь, от которого зависит в России успех или неуспех писателя, накладывает на “нововременца” настоящее библейское прещение до седьмого поколения. Всероссийская критика приговаривает нас к гражданской смерти» [\[34, с. 252\]](#).

Сходство человеческих и творческих судеб Н.Н. Страхова и М.О. Меньшикова на этом не кончается. Всем известно, что Страхов помогал становлению талантов в публицистике. Так, он вывел из бывшности талантливого публициста и философа В.В. Розанова. В свою очередь, Меньшиков тоже помогал молодым способным литераторам пробиться в люди. Например, устроил в «Новое время» уже упомянутого выше талантливого журналиста А.М. Селитренникова, взявшего псевдоним А.М. Ренников. [\[41, с. 135-159\]](#).

Революционно-либеральная журналистика, доминировавшая во второй половине XIX века, о Страхове и его творчестве (как при жизни критика, так и сразу после его смерти) предпочитала либо отзываться негативно, либо молчать. Начиная с 1917 года, работы Страхова, защищавшие отечественную классику, религиозные и русские национальные ценности, были изъяты из широкого пользования и преданы забвению. Подобное происходило и с Меньшиковым. Разница лишь в том, что в 1890-е его неистово травили и революционеры и их многочисленные сторонники, но после перехода Меньшикова в самую влиятельную газету «Новое время» и вплоть до его отстранения от работы в «Новом времени» в 1917 году радикалы не могли полностью исключить влияние публициста на общество: авторитет «Нового времени» и его авторов был высок. Советская власть менее чем через год после октября 1917 нашла публициста в провинциальном Валдае и расстреляла, сделав после этого всё, чтобы уничтожить и память о нем.

Более семи десятилетий творчество двух русских публицистов и критиков лежало под спудом. Но как только в конце XX века запреты в науке, журналистике и критике были сняты, работы и Страхова, и Меньшикова оказались востребованными, а сами авторы вновь обрели читателей и почитателей.

* * *

Впервые некролог Меньшикова об ушедшем из жизни Н. Н. Страхове был опубликован в 1896 году в журнале «Книжки “Недели”» под заголовком «Памяти Н. Н. Страхова» [\[17\]](#) и

повторно включен автором во второй том «Критических очерков» (1902) в раздел «Литературные характеристики» с названием «Н. Н. Страхов». В комментариях к современной перепечатке этого некролога сказано, будто в книге «Критические очерки» опубликован «расширенный вариант статьи» [22, с. 694]. Однако это утверждение не соответствует действительности: публикации 1896 и 1902 годов полностью идентичны.

В тексте некролога отразились типичные для публициста темы. Одна из них – внимание к личному и общественному, народному здоровью. Этой теме Меньшиков посвятил многочисленные страницы дневника [см.: 11, с. 13, 21, 32, 105-106, 227, 248, 282, 294, 321, 332], а также ряд статей, опубликованных как в период работы в «Неделе» [см., например: 13; 14; 12; 18; 21], так и во время сотрудничества с «Новым временем» [29; 30; 20]. Композиционным обрамлением некролога стали посвященные теме здоровья отрывки письма Страхова к г-же В. (оригинал послания, к сожалению, нами не обнаружен). В письме адресант размышлял об изменении своего самочувствия и о лечении у врачей, считавших, что организм у него крепкий [22, с. 621, 625]. При этом сам Страхов думал иначе и, как пишет Меньшиков, был прав: «Оказалось, что Бог судил именно так, как подсказывало больному самочувствие, и врачи ошибались» [22, с. 621].

Другая тема – отображение противостояния двух лагерей – прогрессивно-революционного и консервативного, к которому принадлежал Страхов. Меньшиков понимал, что Страхов «чувствовал себя и был на самом деле одним из просвещеннейших людей, какие только жили в России, чего нельзя сказать о многих его литературных противниках» [22, с. 623]. Кроме этого, публицист подчеркивал, что «ведя в течение ряда лет “борьбу с Западом”, Страхов по крайней мере знал, против чего воюет. Он знал европейскую науку, философию, литературу. Он был математик и натуралист не по популярным книжкам, а по высшей школе и, в сущности, всю жизнь не выходил из школы, учась до самой смерти всему, что есть важного в мире» [22, с. 623]. «Зная европейские языки, Страхов всю жизнь прожил в сфере самых высших откровений современного и прошлого человечества» [22, с. 623], – писал Меньшиков и отмечал, что ушедший в иной мир ученый был «сластолюбец знания, тонкий знаток его и ценитель» (624). Подчеркивая мысль о высоком интеллектуальном уровне Н.Н. Страхова («по крайней мере знал», «всю жизнь не выходил из школы», «всю жизнь прожил в сфере самых высших откровений ... человечества» [22, с. 624]) критик недвусмысленно намекал на слабые знания о западной науке у главных представителей западничества – В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева...

Н. Н. Страхов, по мнению Меньшикова, не желал идти в ногу со временем, что можно увидеть уже в его антидарвинистских, антингилистических и антиреволюционных работах. При сходстве с революционерами в социальном происхождении (Страхов, как и Белинский, Чернышевский, Добролюбов, был по происхождению «попович») у критика было с ними полное «расхождение путей» [22, с. 622]. «“Поповичи” стояли во главе прогресса, составляя его разрушительный авангард» [22, с. 622], а Страхов-консерватор противостоял им. Кстати, этот ряд «прогрессивных» и леволиберальных деятелей продолжили современные дети священнослужителей К. А. Жуков и С. А. Шаргунов.

Умение отстаивать свое мнение практически в одиночку, как писал Меньшиков, проявляло одну из главных черт покойного – мужество: «...он бросил свою уже 10-летнюю учительскую службу и отдался литературе. На это нужно было большое мужество, так как тогдашняя печать почти сплошь состояла из людей враждебного

Страхову тона» [\[22, с. 622\]](#).

Характеристики стилевого своеобразия выступлений Н.Н. Страхова в некрологе контрастны и проявляют черты критика. С одной стороны, он «изящный, сдержанный, приличный в высшей степени, тихий» [\[22, с. 622\]](#), «со своею сдержанною, простодушною иронией» [\[22, с. 622-623\]](#), высказывавший «без большого блеска и без всякого треска» [\[22, с. 623\]](#) свои мысли. С другой – решительный, смелый в творчестве человек, открыто заявивший страшную для своего времени «ересь»: «...говорил об ошибках революционного нигилизма, о бесплодности слепого преклонения пред Западом, о необходимости независимой, самобытной работы русской мысли, об односторонности дарвиновской теории и пр., и пр.» [\[22, с. 623\]](#). Кроме того, Страхов выступал «очень настойчиво, а главное – с величайшим бесстрашием, совершенно пренебрегая литературными "лагерями"» [\[22, с. 624\]](#).

Еще одним важным качеством Страхова-критика названо в некрологе умение обнаруживать, оценивать и защищать национальные русские и зарубежные таланты: он открыл для «русской публики огромный талант Л. Н. Толстого», «разъяснил значение Аполлона Григорьева, беспристрастно оценил Тургенева, выдвинул Н. Я. Данилевского, боролся за поэзию Пушкина», а также «знакомил русскую публику с корифеями западной мысли» [\[22, с. 624\]](#).

Большое дарование, обширные знания, желание всецело отдаваться науке, страстная любовь к книгам, мужество в принятии решений и противостоянии оппонентам, сдержанность и изящество в полемике и изложении мыслей, умение, оценив талант, стать «Колумбом для русской публики» [\[22, с. 624\]](#) и отсутствие лицемерия и карьеризма – вот важнейшие черты Страхова, указанные в некрологе.

Фатеев отмечает, что Меньшиков (в отличие от ряда современников) выразил глубокое понимание личности Страхова, сумев непредвзято отнестись к русскому публицисту, философу и критику [\[51, с. 601\]](#). Именно так, по мнению современного исследователя, публицист «Недели» показал взаимоотношения Страхова с влиятельнейшими людьми эпохи – К. П. Победоносцевым и И. А. Вышнеградским. Приведем этот отрывок из некролога: «Страхова упрекали, что он льнулся к сильным мира, к знаменитостям, старым и молодым. Действительно, среди "сильных мира" у него было много друзей, но он был совершенно независим от них и не извлек никакой корысти из этой дружбы. Не со всеми, а только с избранными по уму и дарованию водился он, причем имел бесстрашие любить, кого хотел» [\[22, с. 624\]](#). Биограф Страхова увидел непредвзятый взгляд Меньшикова и в том, как он отразил глубокое знание Страховым тех сил, с которыми критик всю жизнь сражался, – Запада и его цивилизации. Развивая мысль публициста, Фатеев отмечает: «...Страхов был одним из настоящих европейцев в России – не тех, кто слепо заимствует с Запада тамошние новомодные идеи, а тех, кто использует богатство европейской культуры для обретения собственной духовной независимости» [\[51, с. 213\]](#); «...Страхов, как и Тютчев, потому и выступил с критикой духовных основ европейской цивилизации, что познал суть западного мира» [\[51, с. 213\]](#).

В небольшом некрологе Меньшиков свел различные факты жизни покойного в единую полноцветную картину. Ее последним штрихом стала цитата из упомянутого выше письма Страхова к знакомой о том, как критик во время болезни понял: многие его знакомые и друзья – настоящие отзывчивые и добрые русские люди: «Моя операция как-то всех испугала, и я увидел столько участия, как и не ожидал. Это открытие доброты в людях

меня очень занимает. Очень отчетливо я различаю вполне добрых людей от типа деятельного, эгоистического, который везде играет главную роль. Вполне добрые – истинно русский тип, воплощение наших нравственных понятий. <...> Не могу вспомнить о таких людях без отрады. О, мы не пропадем, мы свое дело сделаем в мире» [\[22, с. 625\]](#).

Это «открытие доброты в людях» «бесстрашным Страховым» стало для Меньшикова свидетельством «доброго расположения духа» у «ненавидимого и бранимого», но стоявшего на пороге могилы критика. Так опять в подтексте звучит мысль о типологии национальных героев и о постоянной борьбе скромного и тихого защитника национального и христианского начал Н.Н. Страхова с полуобразованной и крикливой революционно-леволиберальной средой.

* * *

В середине – второй половине 1890-х годов творчество Меньшикова трудно назвать во всем последовательным и национально ориентированным. Скорее, публицист находился в идейном поиске, общий вектор которого был направлен в сторону традиционных ценностей. Об этом свидетельствуют опубликованные им статьи. Например, в работе «Высшая цель» [\[23\]](#) Меньшиков утверждал, что важнейшие составляющие цели жизни любого человека – «жажда подвига» [\[23, с. 238\]](#), «любовь к человеку» [\[23, с. 244\]](#) и «работа совести», при которой борьба со злом идет без по-толстовски без «физического насилия», но «нравственным убеждением, любовью» [\[23, с. 257\]](#). Идеалом такого служения в статье стали разные по убеждениям люди: великие русские педагоги В. Я. Стоюнин, К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой, С. А. Рачинский [\[23, с. 242\]](#), милосердный доктор-протестант В.Д. Гинденбург [\[23, с. 244-246\]](#), а также критик В. Г. Белинский [\[23, с. 248-249\]](#). Причем, последние (Гинденбург и Белинский) названы «апостолами любви» [\[23, с. 262\]](#). В этой работе Меньшиков отверг идею улучшения человека через революционное преобразование общества, выдвинув тезис личного совершенствования: «...улучшайте себя, если хотите усовершенствовать общество» [\[23, с. 258\]](#). Таким образом, высшая цель жизни – «апостольство любви», а средство достижения этой цели – «подвижничество любви» [\[23, с. 267\]](#). К подобному подвижничеству любви, только связанному с памятью о долге перед народом, Меньшиков звал и приступившее к обучению в университетах русское студенчество в статье «На пороге храма» [\[28\]](#).

Подводя итог, отметим, что некролог М.О. Меньшикова Н.Н. Страхову, как и написанный в 1898 году некролог Я.П. Полонскому, – это своеобразное зеркало, отразившее постепенный внутренний духовный рост публициста, связанный с осознанием расстановки общественно-политических сил в России на рубеже XIX – XX вв., с выработкой национально ориентированной позиции, с пониманием необходимости усиления русского национального ядра и укрепления отечественной национальной культуры.

Библиография

1. Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи / Сост., подгот. текстов, примеч. А. С. Мелковой. Москва : Русский путь, 2005. 475 с.
2. Грановский, Б. Б. Русская песня в жизни Репина [Текст]: Новые материалы / Б. Б. Грановский, И. Н. Грановский. Москва: Советский композитор, 1962. 32 с.
3. Григорьев А. А. Литературная критика. Москва: Художественная литература, 1967. 632 с.

4. Жаворонков Д. В. Писатель и его критик: письма М. О. Меньшикова Л. Н. Толстому 1890-х-начала 1900-х гг. // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 75-89. DOI: 10.7256/2454-0749.2018.3.26881 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26881.
5. Жирков Г. В. Се человек... Публицистическое слово Л. Н. Толстого к человеку и человечеству: монография / Жирков Г. В. – Москва: Флинта, 2019. – 768 с.
6. Кокшенёва К.А. Об искренности, простоте и правде: Ап. Григорьев и Н. Страхов читают Льва Толстого. Статья вторая // Культурологический журнал. 2023. № 1(51). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/609.html&j_id=55.
7. Крижановский Н.И. Л.Н. Толстой в зеркале записных книжек М.О. Меньшикова. К пониманию забытой публикации // В сборнике: Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2020. – С. 66-73.
8. Крижановский Н.И. Публицистика М.О. Меньшикова в контексте критико-философской мысли рубежа XIX-XX веков. Армавир: АГПА 2012. 188 с.
9. Л. Н. Толстой – Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки / Оттавский ун-т. Славян. исследоват. группа; Гос. музей Л. Н. Толстого; Сост. Громова Л. Д., Никифорова Т. Г.; Ред. Донсков А. А. Т. II: Письма, 1879–1896. LXV–LXX. [Москва; Оттава], 2003. 489 – 1079 с.
10. Лапшина Г. С. Газета «Неделя» (1866–1901). – Г. С. Лапшина. Москва: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2009. 168 с.
11. Летопись жизни и творчества М. О. Меньшикова: монография / Н. И. Крижановский, С. М. Санькова, Е. В. Алехина [и др.]. Москва: Знание-М, 2022. 572 с.
12. М. Естественное питание // Неделя. 1893. № 17. Стб. 539-543.
13. М. Заметки // Неделя. 1892.
14. Стб. 464-466. 14. М. Заметки // Неделя. 1892. № 38. Стб. 1241-1245.
15. М. Заметки // Неделя. 1892. № 50. Стб. 1650-1654.
16. М. Заметки // Неделя. 1900. № 6. Стб. 218-220.
17. М. Памяти Н.Н. Страхова // Книжки «Недели». 1896. № 3. С. 253-257.
18. М.О.М. Отклики IX // Неделя. 1899. № 12. Стб. 413-416.
19. М.О.М. Отклики LXIII // Неделя. 1900. № 17. Стб. 593-595.
20. Меньшиков М. О. Берегите здоровье // Новое время. 1913. № 13530 (10 ноября).
21. Меньшиков М. О. В чем братство? II // Неделя. 1900. № 2. Стб. 61-67.
22. Меньшиков М. О. Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2012. Т. II. 720 с.
23. Меньшиков М. О. Высшая цель // Книжки «Недели». 1894. № 11. С. 236-267.
24. Меньшиков М. О. Дознание. // Книжки «Недели». 1895. № 8. С. 191-232.
25. Меньшиков М. О. Литературная хворь // Меньшиков М. О. Критические очерки. Т.1. Санкт-Петербург, 1899. С. 147-148.
26. Меньшиков М. О. Литературное следствие. // Неделя. 1895. №№ 37, 38, 41.
27. Меньшиков М. О. Н. Н. Страхов // Меньшиков М. О. Критические очерки. Т.2. Санкт-Петербург, 1902. С. 497-502.
28. Меньшиков М. О. На пороге храма // Книжки «Недели». 1895. № 9. С. 191-226.
29. Меньшиков М. О. О здоровье народном // Меньшиков М.О. Письма к близким: Полное собрание в 16 тт. Т. 1. 1902 г. / Михаил Меньшиков. / Сост., ред. Д. В. Жаворонков. Санкт-Петербург: Издательство «Машина времени», 2019. 832 с. С. 21-28.
30. Меньшиков М. О. Памяти А.П. Чехова // Меньшиков М.О. Письма к близким: Полное собрание в 16 тт. Т.3. 1904 г. / Михаил Меньшиков. / Сост., ред. Д. В. Жаворонков. Санкт-Петербург: Издательство «Машина времени», 2021. С. 594-610.
31. Меньшиков М. О. По портам Европы. 1878-1879. Очерки заграничного плавания на

- фрегате «Князь Пожарский». Ч. 1. / М. О. Меньшиков. Кронштадт: Типография «Кронштадтского вестника», 1884. 390 с.
32. Меньшиков М. О. Тринадцатый том сочинений гр. Л.Н. Толстого // Меньшиков М. О. Критические очерки. Т.2. Санкт-Петербург, 1902. С. 335-343.
33. Меньшиков М. О. Сбились с дороги // Меньшиков М. О. Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2012. Т. II. С. 529-561.
34. Михаил Осипович Меньшиков: pro et contra. Личность и творчество публициста в оценках современников / Под ред. Н. И. Крижановского, О. А. Дорофеевой. Сост., подг. текста, имен. указ. Н. И. Крижановский, О. А. Дорофеева, Н. А. Рыжкина. Москва: Знание-М, 2020. 532 с.
35. Никифоров Л. П. Где же дорога? // Книжки «Недели». 1896. № 3. С. 242-252.
36. Орлов А. С. Творчество Л. Н. Толстого в оценках М. О. Меньшикова раннего периода (фрагменты дневников) // История: факты и символы. 2023. № № 1 (34). С. 140-150.
37. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 23.
38. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 24.
39. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 31.
40. Письма графа Л. Н. Толстого к жене. 1862-1910 гг. / [предисловие: Софья Толстая]. – Издание второе, исправленное и дополненное. Москва: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1915. 604 с.
41. Ренников А. М. Минувшие дни. Нью-Йорк, 1954. 353 с.
42. Розанов В. В. Н. Н. Страхов (24 января 1896 г.) // Розанов В. В. Полное собрание сочинений: В 35-и томах. Том 2. О писательстве и писателях: литературные очерки. Тайна. Москва: Росток, 2015. С. 199-222.
43. Санькова С. М., Орлов А. С. Михаил Меньшиков. – Санкт-Петербург: Наука, 2017. – 252 с.
44. Страхов Н. Н. Заметки о Пушкине и других поэтах / Н. Страхов. – 2-е изд., доп. Киев: [И. Матченко], 1897 (тип. И. И. Чоколова). 281 с.
45. Страхов Н. Н. Литературная критика. Москва: Современник, 1984. 431 с.
46. Страхов Н. Н. Сочинения графа Голенищева-Кутузова. Т. I-II. СПб, 1894 // Отчет о десятом присуждении премий А.С. Пушкина 1894 года. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1895. 74 с.
47. Страхов Н. Н. Толки об Л. Н. Толстом. (Психологический этюд) / Н. Н. Страхов // Вопросы философии и психологии. – М., 1891. – Год II, кн. 9. С. 98-132.
48. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 52. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 428 с. С. 76.
49. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 68. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1954. 304 с.
50. Туниманов, В.А. Достоевский, Страхов, Толстой (лабиринт сцеплений) / В.А. Туниманов // Русская литература. 2006. №3. С. 38-96.
51. Фатеев В. А. Н. Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха: монография. Санкт-Петербург : Издательство «Пушкинский Дом», 2021. 652 с.
52. Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. Москва : Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопросы литературной критики не так часто рассматриваются в современной науке, более исследователи выходят на анализ собственно самих текстов, уровневую оценку литературных произведений. Тема же рецензируемой статьи объясняется автором данного сочинения, следующим образом: «жанр некролога – редкое явление среди многих сотен работ М.О. Меньшикова. Если внимательно присмотреться к публикациям этого жанра, то можно увидеть, что практически все они о людях, с которыми публицист был хорошо знаком или близко общался: о С. Я. Надсоне, П. А. Гайдебурове, В. А. Гайдебурове, Н. А. Рыкачёве, Н. С. Лескове, Я. П. Полонском, А. К. Шеллере, Ф. Ф. Павленкове, Е. К. Гайдебуровой, В. С. Соловьеве, А. П. Чехове, Л. Н. Толстом. Особняком в этом ряду стоит некролог Н. Н. Страхову, с которым Меньшиков, насколько нам известно, мог быть знаком, но близко не общался и не имел личной переписки. Что же заставило публициста написать в 1896 году об ушедшем из жизни великому русскому критике?». Отмечу, что предметная область работы соотносится с одной из рубрик журнала. На мой взгляд, вариант разверстки вопроса, конструктивен, научно оправдан, актуален, как следствие, нов. Собственно информационные блоки логически выверено соотносятся с аналитическими; каких либо сбоев стилевого порядка нет. Материал информативен, например, это проявляется в следующих фрагментах: «Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) – выдающийся русский публицист, журналист, критик, получивший в 1870-е годы образование штурмана военного флота и дослужившийся к началу 1890-х до звания штабс-капитана. Еще во время службы он публиковался в газетах «Кронштадтский вестник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Морская газета» и стал тесно сотрудничать с либерально-народническим изданием «Неделя» П. А. Гайдебурова, где после отставки в 1892 году стал членом редакции и с 1894 года выполнял порой обязанности редактора…», или «творчество Николая Николаевича Страхова Меньшикову было известно. Об этом свидетельствуют несколько фактов, к которым обратимся ниже. В начале 1890-х годов публицист два раза упоминал в дневнике о чтении произведений Н.Н. Страхова. Например, в феврале 1890 года (и это первое известное обращение к творчеству критика) после чтения статьи «Из предисловия к сочинениям Аполлона Григорьева» он выписал несколько ключевых цитат. В одной из них выражена тесно связанная с трудами А. А. Григорьева формулировка понимания Страховым сущности искусства и его идеала…», или «Необходимо отметить, что в работах Меньшикова в 1890-е – начале 1900-е гг. упоминания о декадентстве как явлении и о творчестве одного из первых декадентов и символистов Д.С. Мережковского всегда связаны с реакцией отторжения. Общее неприятие декадентства в искусстве публицист выразил в ранней статье «Литературная хворь» (1893), назвав это заимствованное на Западе явление поэзией «упадка культуры и разложения общественной жизни» (с. 429). В работах «Две правды» (1893), «О Любви» (впервые трактат опубликован в 1897 г. с названием «Элементы романа»), «Клевета обожания» (1899), «Надсон» (1902), «Поганое в паганизме» (1902), «О гробе и колыбели» (1902), «Среди декадентов» (1903) Меньшиков обратил внимание не только на эстетизацию зла, но и на «распадение нравственности», связанное в новом явлении культуры, как и в творчестве Д.С. Мережковского…» и т.д. Считаю, что данные работы можно продуктивно использовать при изучении предметов филологической / гуманитарной направленности. Статья имеет завершенный вид, она основательна, серьезна; точности того или иного факта подтверждается ссылками на выверенные источники. Библиографический блок объемен, фактические требования по оформлению учтены. Стиль работы соотносится с собственно научным типом. Например: «тем не менее, несколько внутренних причин могли подтолкнуть ведущего критика и публициста газеты «Неделя» написать некролог. Думается, основная связана с тем, что

литературные интересы и предпочтения не так давно вошедшего в большой мир журналистики, литературы и критики Меньшикова пересекались с интересами и предпочтениями покинувшего мир русского критика, публициста и философа. А. С Пушкин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Я. П. Полонский, Л. Н Толстой – это те авторы, о которых немало написал Н. Н. Страхов и которые притягивали внимание М. О. Меньшикова-критика. Как и Страхов, Меньшиков внимательно всматривался в отношения западников и славянофилов. Как и Страхов, искренне и всем сердцем любил Л. Н. Толстого», или «таким образом, Меньшиков и Страхов при осмыслении рассказа «Хозяин и работник», уловив мастерство автора и общий христианский настрой, по-разному его интерпретировали: Меньшиков – осмысляя в первую очередь природу непротивленчества смиренного работника Никиты, а Страхов – стремясь выразить глубинные, национально-сущностные особенности содержания рассказа, определяющие поведение его персонажей, и выделяя нравственную сущность образа Василия Брехунова...» и т.д. Значим в статье и фактор безупречной цитации, для научного исследования это, несомненно, важно. Основной вопрос данного сочинения раскрыт, однако, тема может быть расширена и далее, что также ценно. Оценка по ходу работы дается безупречно, основательно: «при написании некролога Страхову Меньшиков не мог не осознавать не только творчески-эстетическую, но и биографическую близость с покинувшим мир критиком. Страхов «родился "поповичем"», и Меньшиков был внуком священника. Страхов «терпел бедность», и Меньшиков вышел в люди из крайне бедного рода. Страхов не смог «окончить курса в университете», и автор некролога недолго пробыл в университете вольнослушателем. Меньшиков заметил также, что «Страхов отдался вначале совсем не той науке, к какой имел призвание», наверняка понимая, что с ним случилось то же самое: он почти двадцать лет посвятил русскому военному флоту, служил штурманом и гидрографом, а только после этого смог отдать всего себя любимому с юности делу публицистики и критики» и т.д. Структурные части статьи соразмерны, дробность оправдана. В финальном блоке обозначается: «подвоя итог, отметим, что некролог М.О. Меньшикова Н.Н. Страхову, как и написанный в 1898 году некролог Я.П. Полонскому, – это своеобразное зеркало, отразившее постепенный внутренний духовный рост публициста, связанный с осознанием расстановки общественно-политических сил в России на рубеже XIX – XX вв., с выработкой национально ориентированной позиции, с пониманием необходимости усиления русского национального ядра и укрепления отечественной национальной культуры». Таким образом, с учетом сказанного можно тезировать: статья «М.О. Меньшиков о Н.Н. Страхове: некролог как проявитель общности взглядов и основа для сближения судеб русских критиков» рекомендуется к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД "Nota Bene".